

Смертельные разговоры о любви

Французский культурный центр представил москвичам две труппы — балетную и драматическую. “Компани Кристиан Бастэн” и “Студио театр де Витри” сыграли “Волчью пасть” и “Полуденный раздел”.

Они настолько разные, что мысль поставить их спектакли в одну неделю московского репертуара была почти гениальной.

Потому что сквозь различие в языке (танец и слово), в эпохе, в отношении к обществу пробивалось в этих спектаклях одно общее — тема любви, любви-страсти.

“Волчья пасть” — спектакль для двух танцовщиков, двух танцовщиц и драматического актера. Музыка и слова переплетаются в нем, вернее, слова иногда исполняют функцию музыки, задают ритм танцу. Любовь-страсть вписана в окружающий мир. Война, бедность, быт — все это “проговорено” в танце.

Резкость движений, граничащая с акробатикой, но не переходящая эту грань из-за высокого артистизма. Почти бытовая сценка — и тут же переход в явную аллегорию. Любовь, ненависть, отчаяние — и смерть.

В пьесе Клоделя, поставленной Аленом Оливье, страсть не менее сильна — и также приводит к смерти. Первое действие в спектакле почти невыносимо — потому что каждому герою хочется посоветовать: перестань разговаривать, скажи лишь несколько слов, которых ты избегаешь. Во втором и третьем действиях они эти слова говорят — и жизнь их летит ко всем чертям.

Клодель в 1906 году написал “Полуденный раздел” как пьесу со счастливым концом,

несмотря на то, что кончается все трагически.

Мизе и Изе осуществили свою миссию на земле. Она бросила своих детей, он послал на верную смерть ее мужа — и они любили друг друга так, что Клодель испугался и за них — и “убил” их в конце пьесы. Он испугался себя: ведь эта история — его собственный роман, перенесенный на бумагу. Только в жизни он сумел обойтись без смертей, но и без вечной любви тоже.

Три часа диалога. Все события — в чувствах людей, и следовательно, важнейшее их внешнее выражение — слова. Три часа разговоров — узорчатых, сложных, легких и прочных, как кружево из металла. Драгоценного металла французской словесности, золотого ее запаса — Поля Клоделя.

Кроме того, что эта пьеса о любви к женщине, она и о любви к Богу, о доверии к нему. И в этом нет никакой пошлости, никакой современной модности — все сделано искренне и серьезно. У трагедии действительно счастливый конец, потому что герой уходит к Богу, освобождаясь от хаоса земных чувств; и Кристиан Клоарек играет так, что вполне веришь в это чувство “освобождения”.

И тут неважно, религиозны вы или нет; эта пьеса и “Студио театр де Витри” создают Бога как художественную реальность; когда вы сидите в зале, вы убеждены, что там, на сцене, для этих людей Бог, несомненно, есть. А в реальности... Ну какое театру дело до реальности, в конце концов?

Анна ГОРДЕЕВА

*Моск. новости; Воскр. вост. —
1995. - 21-28 мая. - С. 12.*